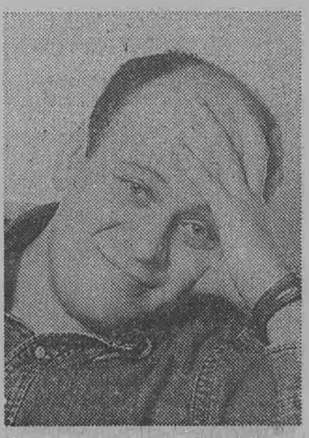
Жизнь до первого миллиона и после

Кинорежиссер Денис Евстигнеев о «новых русских» и о себе

Родителей ему припомнили не сразу. Сначала были 10 лет работы в кино, снятые его камерой «Армавир», «Слуга», «Луна-парк»... «Ника» за лучшую операторскую работу в фильме «Такси-блюз». Но лишь после «Лимиты» — его режиссерского дебюта — пресса вдруг вспомнила о том, что Денис Евстигнеев сын Галины Волчек и Евгения Евстигнеева.



— Денис, как вы считаете, почему это произошло? Неужели престиж профессии режиссера до сих пор столь велик, что добиться в ней успеха можно, только будучи чьим-то сыном?

— Видимо, я просто оказался на виду. Фильм достаточно громко прошел, ко мне появился интерес, в том числе и с этой стороны. Честно говоря, не вижу в этом ничего плохого. Другое дело, что были статьи, где оценка фильма подменялась подробностями моего происхождения. Но это уже проблема непрофессионализма критиков, потому что у меня давно исчезли всякие комплексы по этому поводу.

— А они были?

— Ну, конечно. Как любому молодому человеку мне хотелось, чтобы меня принимали за себя. Когда спрашивали: «А вы не сын?», я краснел, отворачивался, отвечал: «Нет». Если отец подвозил меня в институт, то я выходил за километр, чтобы никто не увидел. Потом, когда сам начал работать, постепенно стало все равно. А теперь уже и не спрашивают.

— Все мы «вышли» из своих родителей, а значит, из 60-х годов. Вы в этом смысле в особом положении: ваше детство пришлось на «детство» «Современника». А если сегодня попытаться сравнить то поколение и нынешнее, в чем разница между ними?

— В том, что прошло 30 лет. За эти годы поменялось не только искусство, не только улицы, машины, толпа. Поменялось главное: ритм отношений, нерв, энергия, реакция человека на другого человека. Вообще реактивность. Больше стало идей, информации, которую человек ежесекундно получает извне. Жизнь стала жестче. Мягкость, теплота постепенно становятся ностальгическими воспоминаниями. Знаете, как раньше за границей говорили: «Вон идут русские». Значит, чем-то мы отличались. И дай Бог, чтобы отличались! Отсутствием прагматичности. Хорошим разгильдяйством. Раньше жизнь строилась на чувствах. Теперь она регламентируется работой. Люди становятся более механическими. Появились разные классы, касты. Когда-то любую компанию можно было представить на кухне, ведущей тайный разговор вполголоса. Сейчас одна компания в ночном клубе, другая у костра, третья на садовом участке. Вообще разделение людей в этой стране — самый негативный итог всех перемен.

— А у вас какая компания?

— Мои старые друзья, с которыми мы стараемся, уже достаточно напрягаясь, общаться. Я имею в виду чисто внешнее напряжение — отсутствие времени, вечная гонка. Но мы пытаемся сохранить ту давнюю атмосферу дома, посиделок. Но иногда странные вещи случаются. С Володей Машковым мы недавно на телевидении рассказывали о своем детстве. Володя говорил о том, как он в 14 лет делал себе золотую фиксу из масляного датчика, татуировку, о каких-то дворовых компаниях, а я о том, как бегал в «Иллюзион» смотреть кино, как к нам домой приходил Вайда. И тут я подумал: такие люди, как мы с ним, не должны были встретиться. Они на разных полюсах живут. А ведь встретились и дружим. Я очень его люблю. Наверное, это и есть моя компания. Или, если хотите, более громко — поколение.

— Что же то глубинное, что вас свело?

— Может, мироощущение, отношение к жизни, доля серьезного и несерьезного.

— В кино у людей вашего поколения существует единое мироощущение?

— Для меня вообще главная позитивная идея нынешнего кино — это идея объединения. Хотя сегодня кино несколько девальвировано огромным потоком видео и телевидения. Сейчас сложно говорить о какой-то единой линии. Эта линия скрывается под такой плотной заштриховкой мелких деталей, что найти ее почти невозможно. Последнее время, правда, появилась целая обойма симпатичных фильмов с таким комедийно-ироничным отношением к жизни. И то, что они полны энергии и безрассудства, говорит о том, что их создатели молоды.

— А вы безрассудный режиссер?

— Нет, я рассудочный. Любой режиссер рассудочный. Безрассудным может быть только результат. Поэтому не верьте, когда режиссер рассказывает, как он смотрит на небо, на звезды и думает — хорошо бы завтра снять что-нибудь на фоне луга с ромашками в зубах. Чтобы снять только портрет, нужен грим в 11 часов, автобусы в 12, камеру сюда, реквизит туда. Кино очень холодное дело. Ты можешь придумать гениальную романтическую идею и ковать ее потом из железа. И пронести эту идею сквозь железо, чтобы она выстояла, невероятно сложно. Если на съемочной площадке ты на одну секунду растерялся, забылся, споткнулся, то 70 человек, которые с тобой работают, останавливаются. Более того, инстинктивно начинают тебя топить. Ты должен до конца быть непробиваемым. В принципе это самое главное: знать, что ты хочешь, и уметь держать энергию.

— Может, и свой первый фильм вы сняли о «новых русских», потому что сейчас это единственные люди, у которых есть энергия и которые способны ее применить?

— Я не делал фильм о «новых русских». «Новые русские» — всего лишь фон, на котором происходят события фильма. Я говорил о друзьях, которых жизнь поставила по разные социальные стороны. У одного психология нувориша, который хватает жизнь за все места, пытается подмять ее под себя. Другой сохранил ту ментальность, которую условно можно назвать советской.

— Чем же привлекли вас люди, столь далекие от вашего круга?

— Тем, что они способны менять жизнь. Меня интересует поступок. Дело в том, что те, кто когда-то приезжал в Москву на заводы и в дворницкие, и «новые русские» — одна и та же лимита. Вернее, их психологический портрет одинаков. Люди на время. Без корней. Конечно, у каждого из них своя история, семья, но объединяет их то, что все они пытаются взять жизнь голыми руками. Для них получить прописку в Москве или заработать миллион — одно и то же. Они решили это сделать и сделали. Моя жизнь, например, не состоит из резких решений. Она последовательна. Потому что я спокоен. Я не борюсь — я живу. А эти люди неспокойны. Они борются за свою жизнь. Они не идут по жизни — они переделывают ее. Я не говорю, что это плохо. Для общества, наверное, это единственный выход. Заработать миллион или построить ресторан — это замечательно. Но что при этом происходит с людьми, что они теряют — вот что интересно.

— Ну почему же теряют. Может быть, приобретают.

— Безусловно. Материальную опору.

— Не только. Уверенность в собственных силах, например.

— Уверенность в себе хороша, когда вокруг еще 50 человек. А когда ты один дома, эта уверенность совершенно не нужна. В чем беда героя «Лимиты» — он все готов отдать, чтобы вернуть те чувства, которые когда-то испытывал, но нет, не получается, он уже из другой материи соткан. И потому продолжает ту же жесткую жизнь, ту же трагедию — до следующего миллиона, до следующего дома, до следующего стадиона. Мне кажется, это один из ключевых моментов сегодняшней жизни. Во время бега люди теряют чувства. Особенно ярко это проявлялось у Сергея Мажарова — моего друга детства и продюсера, с которым мы придумывали фильм и который трагически погиб в Париже. Он понимал, что гибнет без друзей, без той, старой жизни, придумывал себе любовь, ситуации, чтобы дружба казалась крепкой, а сам в то же время бежал за чем-то иллюзорным.

— В какой же степени эти люди определяют лицо поколения?

— Энергичность, предприимчивость, самостоятельность, свобода — безусловно, лицо поколения. Просто олицетворяют эти качества чаще не те, кто ими действительно обладает, а те, у кого более красные пиджаки, более длинные машины и более высокие женщины. Потому они всем и видны.

— Команду, которая делала «Лимиту», называют «новыми русскими» в искусстве. Как вы относитесь к такому определению?

— С гордостью. Надо знать, что еще совсем недавно происходило в кино. Я начинал работать в кондовое советское время, когда гэбэшники и кадровики писали резолюции — разрешают они снимать кино или нет. Помню, я стоял перед кабинетом помощника директора «Мосфильма» и ждал его решения, а Вадим Иванович Юсов сидел у него весь красный и отстаивал меня.

— Вы-то чем не угодили?

— Ну как же, молодой был, надо было поработать вторым оператором лет 10, все советские дела. Потом я снимал одну из первых кооперативных картин «Такси-блюз». Первая картина с западным партнером, другие деньги, никаких редакторов и инстанций. Мы просто офигели от счастья. Вкус кино наконец-то почувствовали. И вот сегодня, когда кино абсолютно свободно, я стал еще и продюсером, потому что не могу иметь над собой некомпетентного человека, который руководил бы моими действиями. И пока у нас в стране не появятся профессиональные продюсеры, всем буду заниматься сам. Так вот, если говорить о той энергии, которую приходится проявлять, — пусть, называйте меня «новым русским». Просто потому, что старые русские подобными вещами не занимались.

Ольга ШУМЯЦКАЯ.